

Широкий экран

Только что закончился бой. Один из последних при форсировании Одера, когда до Победы оставалось так немного. От этого горечь потерь становилась вдвое тяжелее. Медленно продвигался вдоль реки взвод пехотинцев, и вдруг откудато выскочил джип. Там стоял человек с киноаппаратом. Солдаты прикрывали ладонями запачканные копотью лица, а парень из джипа кричал: «Эй, ребята, откройте лица — вы же победители!» Среди победителей был один совсем юный лейтенант, который не отрываясь следил за объективом. Ему было всего девятнадцать, а мечта стать кинооператором — немногим меньше. Лейтенант загадал: если не убьют, он своего добьется. Звали лейтенанта Петр Тодоровский.

ВЕРНОСТЬ БЫЛОЙ ЛЮБВИ

Тодоровский дошел до Берлина, а спустя четыре года появился в общежитии ВГИКа. «Он возник на пороге — чубатый, в гимнастерке со спортивными погонами и аккордеоном через плечо. Доверительно улыбнулся: «Принимаете?» — так вспоминает их первую встречу Марлен Хуциев, встречу, которая положила начало их дружбе.

Студент операторского факультета Петр Тодоровский оказался талантливым. Когда Марлен Хуциев — уже известный режиссер — пригласил начинающего оператора снимать фильм «Весна на Заречной улице», он не сомневался — приглашает одаренного художника. А спустя какое-то время Хуциев настаивает на участии Тодоровского в картине «Был месяц май» в роли весельчака и гитариста. У Тодоровского есть этот дар — он музыкален, играет на гитаре, аккордеоне, поет и даже сочиняет музыку.

Как идет шлифовка мастерства? Вот уже позади «Жажда». Вот «Два Федора» (фильм поставлен в прекрасном содружестве — Хуциев, Тодоровский, Шукшин). А вот и «Никогда», где Тодоровский выступает уже и как режиссер, безошибочно выбирая на главную роль Евгения Евстигнеева. Приступив к работе над «Фокусником», Тодоровский приглашает на главную роль Зиновия Гердта, увидев в нем неповторимость, которую после «Фокусника» в Гердте увидели все. Такая уж счастливая планида этого человека — приносить удачу тому, с кем работает. (А может, удача приходит именно потому, что рядом — Тодоровский? Кто знает.)

Тодоровский — фронтовик. Наверное, поэтому доброта, общечеловеческая доброта — основа, на которой строятся его картины. Человек несчастен потому, что ему когда-то недодали тепла, ласки, участия, несправедливо, жестоко обидели. Найти эту болезненную точку, отогреть, сделать несчастливому счастливым — нравственное кредо режиссера. Так должно быть в жизни, и он крепко верит в это.

Все эти годы Тодоровскому не дает покоя одна встреча.

...В пору студенчества, проходя мимо ЦУМа, он услышал голос, который узнал бы среди тысячи других. И память вернула лейтенанта Тодоровского в прошлое, в сорок третий год. Лена, санинструктор Лена — жена комбата (неважно, что незарегистрированная). Фронтровая богиня, на которую молился весь взвод. Златовласая, нежная и отчаянно бесстрашная в бою — уж солдаты это знали, — она без памяти любила мужа. Им даже не завидовали — такая была любовь. А в часы затишья ее удивительный смех счастьем звенел в землянке комбата... Она! Тодоровский рванулся на голос, увидел Лену и... оцепенел: во что превратилось божество!

Она продавала пирожки с лотка — опущившаяся, развязная, вульгарная.

Тодоровский тогда не смог, побоялся подойти к Лене. Ушел прочь. Но и забыть ее тоже не сумел, память не отпускала. А потом Лена пропала, исчезла.

Прошел долгий срок, прежде чем идея будущего фильма обрела плоть, стала сценарием, который Тодоровский написал сам. Он просто не мог иначе — доверять другому выстраданное и пережитое, свою

боль, свою надежду... «Я был обязан сделать это сам».

Драматическая встреча на шумном московском перекрестке ложится в основу будущей картины.

«Военно-полевой роман»... О чем он? Сначала кажется, что о несостоявшейся любви там, на войне, и возможной сейчас. Но это первое впечатление. Прежде всего это фильм о доброте. Она — философская основа картины. О том, что доброта подвластно все, или почти все, и великая сила добра способна вылечить даже самую страдавшуюся, искалеченную душу.

«Я думаю, каждый из нас переживает однажды, хотя бы однажды, трудную пору. Когда мы временно не у дел, что-то не получается, не можем войти и понять новый ритм, который жизнь определяет на сегодня. Мы попадаем в так называемый жизненный «перепад», — говорит Тодоровский. — К примеру, очень непросто вживались в «гражданку» многие бывшие фронтовики. Особенно люди немалодые или те, кто привык к особому положению на фронте — к чиному и званиям. Мирная жизнь диктовала свои условия, принять и выдержать которые сумел далеко не всякий человек. Бывалый гвардеец, с семью классами образования дослужившийся до майора, оказывался командантом общежития или завхозом в детском саду. Это надо было пережить: выстоять и обрести себя снова. Люба, не выдержав «перепада» и не особенно желая справиться с ним, сдалась. Богиня потеряла пьедестал».

«Военно-полевой роман» — фильм большого психологического накала, и — ценнейшее достоинство — динамизму его обеспечивает не остростужетность, а глубокий внутренний смысл. И, вне всякого сомнения, — сильная драматургия. Наверное, лишь о драматургии «Военно-полевого романа» надо писать специалистам-киноведам. Тривиальная ситуация — муж, жена и разлучница — поднята до уровня удивительно высокого искусства. Столкновение женских характеров — это столкновение личностей на фоне любовной драмы. Жена Саши — Вера (И. Чурикова) истинно интеллигентный человек, с очень твердой волей и необычайно развитым чувством собственного достоинства. И одновременно такая, как все, к тому же безмерно, до самопожертвования любящая своего Сашу. Утонченная музыкантша и простая бабенка, которая, спа-

сая мужа, пререкается с милиционером, — это тоже Вера. Пожалуй, давно в нашем кинематографе не встречалось такого сильного, богатого и тонкого женского характера. По силе образа требовалась достойная актриса. Инна Чурикова — для Тодоровского это было ясно с самого начала.

На традиционном международном кинофестивале в Западном Берлине недавно Инна Чурикова (вместе с Моникой Витти) удостоена приза «Серебряный медведь» за лучшее исполнение женской роли. Когда Чурикова говорит, что «эту награду мы получили вдвоем с Петром Ефимовичем», это не стандартная любезность, а признание Тодоровского-режиссера на уровне Тодоровского-драматурга.

Многие в свое время жалели, что кинематограф теряет Тодоровского-оператора, потом огорчились уходом Тодоровского-артиста. Зря. Ничто никуда не ушло. И не могло уйти. «Военно-полевой роман» тому подтверждение — вся незаурядность Тодоровского сказалась в этой работе. Он не торопился — не старался «успеть», не спешил обогнать, — он работал. И вполне естественно пришел к авторскому кинематографу, поворот к которому в современном кино Шукшин считал явлением вполне закономерным.

Светлана ГЛАДЫШ.

НА СНИМКЕ: рабочий момент съемки фильма «Военно-полевой роман». Вера (И. Чурикова), П. Тодоровский, Саша (Н. Бурляев).